

Рианн

Князь их сердец

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р49

Редактор серии *Алина Литвинова*
Оформление серии *Александра Андреева*
Иллюстрация на переплете *JOCKEY*

Рианн.
Р49 Князь их сердец : роман / Рианн. — Москва : Эксмо, 2027. — 416 с.

ISBN 978-5-04-247990-8

В викторианском Лондоне, где за безупречными манерами скрываются пороки, а искусство служит лишь способом заработка, начинающая писательница Селия Кроуфорд отчаянно пытается доказать свою ценность — и не замечает, как оказывается пешкой в чужой игре.

Игре, правила которой диктует загадочный князь Люмьер д'Экзиле — покровитель талантов и разрушитель судеб. Но даже он не ожидал встречи с той, кто не поддается его власти.

Ее называют Дева-Смерть. Ее присутствие тревожит, а мистические выступления сводят с ума все высшее общество.

И пока Селия все глубже погружается в мир темной магии, между князем и Девой-Смертью рождается чувство, опаснее любого проклятия…

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-247990-8

© Рианн, текст, 2027
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2027

Моим бабушке и дедушке.
Жаль, что вы уже не сможете
подержать эту книгу в руках.
И все же я как наяву слышу
ваши слова поддержки всякий раз,
когда заношу ручку над чистым листом

ПРОЛОГ

Многие знают или, по крайней мере, слышали историю о том, как Сын Божий своими страданиями, кровью и позорной смертью на кресте искупил грехи человеческие, после чего вознесся на Небеса, освободившись от оков плоти. Но лишь немногие задумываются о фигуре, которая присутствовала в жизни Христа задолго до этих событий. Той, что оставалась в тени, но чей след тянется сквозь всю историю человечества. Той, чьи грехи никогда не будут отпущены, чья чаша страданий всегда полна до краев, ибо некому осушить ее.

Это забытое имя — Сатана.

Мятежный дух, он мечется по своим владениям, которые есть весь мир, как дикий затравленный зверь в просторной, но все же клетке, ибо сама его природа стала ему тюрьмой. Связанный собственной клятвой истребить род людской, он искушает души. Гонимый, словно скиталец пустынными ветрами, ненавистью к человечеству и вместе с тем невысказанной надеждой на него, он страдает от возложенного на себя бремени; и не с кем ему его разделить, и некому спасти его от самого себя.

Блумсбери, Лондон, XIX век.

Молодая чета Кроуфорд устраивала прием в честь успеха новой картины главы семьи, Рогана Кроуфорда. Ученик Данте Габриэля Россетти, он слыл модным нынче художником. В Лондоне у него заказывали портреты все, с кем, по мнению высшего света, стоило иметь знакомство. Его очаровательная жена Селия была подающей надежды, но до крайности невезучей писательницей. Чего она только не перепробовала: писала под мужскими псевдонимами, оплачивала рекламу и хорошие отзывы критиков и даже взялась, по совету издателя, за коротенький, но донельзя неприличный любовный роман. И все же признание публики обходило ее стороной с той же старательностью, с какой Селия добивалась известности.

— Вы даже не представляете, как это ужасно, — процедила она, наморщив хорошенький носик. Селия стояла немного в отдалении, наблюдая, как гости с восхищением рассматривали картину ее мужа. — Писать по требованию этого недостойного человека, моего издателя! Удивляюсь, как я не умерла, выводя последнюю строчку такого позорного и низкопробного чтива. И все напрасно!

Селия подняла глаза на собеседника. Это был французский князь, появление которого четверть часа назад внесло некоторую сумятицу: его имя никак не могли найти в списке приглашенных, пока не появился сам Роган Кроуфорд и не заверил, что они с князем старые друзья и он здесь по его личному приглашению.

Имя князя было Люмьер д'Экзиле, и по количеству полученного внимания и восхищения он едва не затмил главную героиню вечера — картину. Высокий и горделивый, он нес себя с превеликим достоинством; черные как смоль волосы и брови с изломом подчеркивали его мрачную кра-

соту, бледный высокий лоб выдавал недюжинный острый ум, а острый, слегка крючковатый нос придавал ему сходство с хищной птицей, которое подчеркивал тонкий, резко очерченный рот. Но самой замечательной его чертой были глаза: черные, с поволокой и с полыхавшим в них странным огнем, словно их обладатель либо страдал от вечного голода, либо сгорал в пламени страсти. Казалось, что взглянувшему хоть раз в эти глаза ничего не стоит попасть к князю в вечное рабство.

— Хорошего же вы мнения о своих произведениях! — рассмеялся Люмьер, покачивая красное вино в бокале. — Как можно, ненавидя свое творение, ожидать благосклонности публики?

— Я и не ненавижу его — я стыжусь, — возразила Селия и грустно вздохнула. — Иногда я думаю, что мне вообще не следует писать, но я ничего другого не умею. Мой муж одаренный художник, к тому же учился у настоящего мастера, а мне даже поучиться не у кого.

— Хорошая литература может стать вашим учителем.

Селия помотала головой. Судя по всему, ей это уже говорили либо она сама об этом думала.

— Я, кажется, понимаю, о ком вы, князь: романы сестер Бронте и мадам Радклиф — уже долгое время мои творческие ориентиры. Но я хочу найти свой стиль, свою черту, которая будет выделять меня из плеяды авторов моего века. Все эти издатели имеют единый шаблон, который приносит им доход, и хотят видеть только подходящие под него произведения. Я пережила этот опыт и могу с уверенностью сказать, что отныне мне претит подобный подход.

— В таком случае я вижу для вас два пути, — заявил Люмьер с неумолимостью судьи, зачитывающего смертный приговор, — забыть о славе и писать то, к чему лежит душа, либо, — он лукаво прищурился, — написать что-то поистине блестящее, настолько поразительное, что у это-

го просто не будет ни малейшего шанса остаться незамеченным.

Селия подняла на него отчаянный взгляд. То, как он это сказал, странным образом воодушевило ее.

— У меня есть идея, которую я лелею еще с юных лет… Да, я напишу, я обязательно напишу! Ах, если бы у меня был наставник, который направлял бы меня в моих творческих порывах! Тогда я бы точно обрела долгожданное признание!

Люмьер тонко улыбнулся, пристально вглядываясь в нее. Она поймала его взгляд и как будто поняла намек.

— Вы, случаем, не знаете какого-нибудь литератора, который согласился бы курировать мою работу? Вы сделали бы меня своей должницей.

— Никого искать не нужно. Скажу вам прямо, писательство — не моя стезя, и будь я проклят, если когда-нибудь возьмусь за перо с целью исписать больше одного листа. Но у меня есть опыт работы редактором — и весьма обширный, смею заверить! Если вы согласны — я в вашем распоряжении.

Селия потеряла дар речи. Задавая вопрос, она никак не ожидала, что человек такого благородного происхождения предложит ей свои услуги. В ее глазах это было все равно, как если бы принц Уэльский предложил себя в качестве дворецкого. Она подозрительно прищурилась.

— Я очень признательна вам за предложение, князь, и все же…

Люмьер рассмеялся:

— Неужели вы подозреваете меня в недобросовестности? Или того хуже — в мошенничестве? Спешу вас разуверить, миссис Кроуфорд, я всего лишь человек, которому безмерно скучно жить. А задача сделать из вас звезду литературного мира звучит как нечто, что способно развеять мою скуку. Вы видите, я откровенен с вами.

Селия выглядела так, будто проглотила четвертинку лимона, и с трудом выдавила из себя улыбку.

— Это хорошо, учитывая факт, что все издатели, с которыми я работала, — патологические льстецы и лгуны. Что ж, — она с каким-то безрассудным азартом протянула ему руку, — тогда заключим договор.

Люмьер тут же взял ее руку в свои. Его глаза полыхали странным торжеством.

— Значит, вы принимаете меня и мой скверный характер и согласны работать под моим покровительством! Не могу передать, как я рад. Но учтите — я суровый наставник.

Селия кивнула с таинственным видом.

— Именно это мне и нужно. *Per aspera ad astra*[1]. Я преодолею преграды, которые будете ставить мне вы или те, кто попадется на моем литературном пути. Теперь я не сомневаюсь в успехе! И прошу вас, обращайтесь ко мне как-то иначе — мне все еще непривычно это тяжеловесное «миссис». Так будет удобнее.

— В таком случае, надеюсь, вы не будете иметь ничего против французского обращения, мадам Кроуфорд? — И, получив согласие, склонил голову. — Да будет так!

Сразу же после того, как он произнес эти слова, в толпе раздался звон и удивленный женский вскрик:

— Бокал! Бокал лопнул прямо у меня в руке!

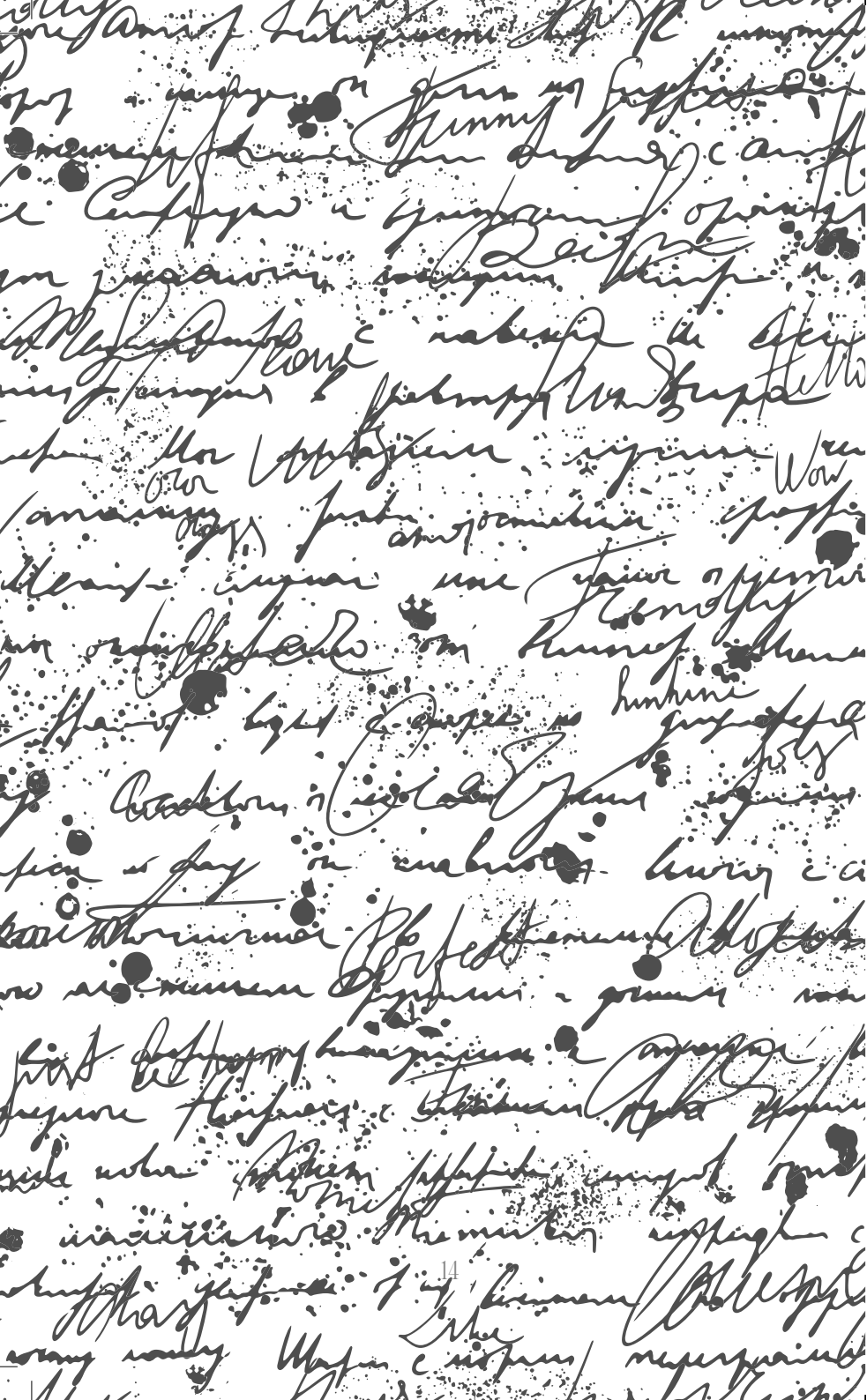
Селия поспешила к пострадавшей гостье. В момент, когда по залу прокатился звон разбитого хрусталя, что-то кольнуло ее в сердце. И от этого укола веяло чем-то холодным и неизбежным, чего она сама не могла объяснить. Но мысль о грядущем успехе быстро изгнала этот холод, и Селия воспрянула духом.

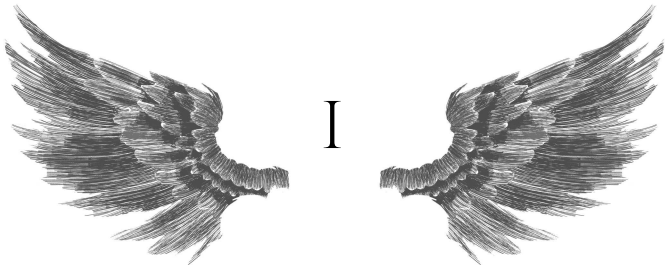
Люмьер д'Экзиле скрыл улыбку за бокалом вина.

---

[1] Через тернии к звездам (*лат.*). *Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
СКИТАНИЯ

I

Первым делом Люмьер пожелал ознакомиться со свежей рукописью. Опешившая Селия ответила, что та находится у одного издателя и вернется к ней лишь в том случае, если он отвергнет ее.

— Как имя этого издателя?

— Джордж Макбрид, он получил рукопись только вчера…

— Значит, будьте уверены, он не притронется к ней еще добрых две недели, если не больше, так что мы спокойно можем потребовать ее обратно. Если вы сообщите мне адрес его конторы, я немедленно пошлю туда своего слугу с запиской от вашего имени.

Неуверенная в успехе этой затеи, Селия все же сделала, как он просил. Люмьер дружески кивнул ей и отправился на поиски слуги.

— Смотрю, дорогая, ты отлично поладила с моим другом; между тем я едва словом с ним перекинулся.

Селия обернулась. Роган Кроуфорд улыбался ей с тем лукавством, с каким некоторые мужья подтрунивают над своими женами, когда видят, что те уделяют внимание другим мужчинам. Высокий и тонкий, как стебель, бледный,